

Проф. С. В. ЮШКОВ

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XIV—XVI вв.

§ 1. Примерно с 1932 г. стала получать распространение теория о двоекратном закрепощении в России. Одним из главных представителей этой теории был акад. Б. Д. Греков, который подробно и тщательно обосновал ее в довольно значительном своем произведении: „Очерки по истории феодализма в России“ (изв. Г А И М К, вып. 72.), а затем дополнительно развивал в целом ряде других работ. Эта теория в короткое время завоевала себе последователей, сделалась общепринятой и даже получила свое отражение в программах по истории народов СССР ПедВУЗ'ов и средней школы и даже в учебниках по истории.

Однако, с течением времени для большинства советских историков стало ясно, что эта теория, являющаяся ничем иным, как механистическим распространением взглядов Маркса и Энгельса о крепостничестве второго издания в Германии на историю русского крепостничества, не может быть обоснована на фактическом материале и что она, в конечном счете, приводит к ревизии почти всех сложившихся в марксо-ленинской историографии взглядов на русский исторический процесс с IX по XVII в. После некоторых колебаний отказался от этой теории и акад. Б. Д. Греков. Теперь как будто можно считать вопрос исчерпанным и теорию двоекратного закрепощения признать пройденным этапом советской историографии; как будто нет особого смысла обсуждать взгляды, от которых отказался наиболее горячий их защитник.

Но при ближайшем рассмотрении вопрос этот не так прост, как это может показаться с первого взгляда. Во-первых, отказ от теории вторичного закрепощения акад. Б. Д. Грекова, главного ее защитника, мало кому известен, т. к. он не получил, насколько нам известно, отражения в исторической печати. Во-вторых, насколько это известно, отказ Б. Д. Грекова носит принципиальный характер; остается неясным, отказался ли он и от трактовки всех вопросов истории крепостничества, так или иначе связанных с его прежней теорией. Повидимому, полного отказа ждать нельзя, т. к. в последнем издании своей работы „Феодальные отношения в Киевском государстве“, последние выпуски которой относятся уже к 1937 г., он называет свою

основную работу, где он обосновал теорию двоекратного закрепощения, т. е. „Очерки по истории феодализма в России“ только „требующей во многом значительного пересмотра“. В третьих, акад. Греков пересмотрел весь материал, относящийся до истории крепостничества в России X—XVII вв. Им приведено много новых данных, а с другой стороны дано новое истолкование многим уже известным в науке данным; вполне естественно, что решение им ряда частных вопросов истории русского крепостничества может быть признано обоснованным и не находящимся в противоречии с основными схемами марксо-ленинской историографии. Таким образом, принципиальный отказ от теории вторичного закрепощения одного из ее главных представителей вовсе не делает ненужной развернутую критику основных ее положений, так как только на основе развернутой критики основных положений ее можно дать схему истории русского крепостничества, которая находилась бы в полном соответствии с основными марксо-ленинскими схемами русского исторического процесса.

В предлагаемой работе и делается попытка, на основе критики работ акад. Б. Д. Грекова, наметить основные этапы русского крепостничества XIV—XVI вв. Мы считаем, что поскольку акад. Греков выправил до известной степени свои ошибки, касающиеся развития крепостничества в Киевской Руси, их нет особого смысла еще раз обсуждать. Но вопрос об основных моментах закрепостительного процесса в Пскове и Московском государстве, обстоятельно разработанный акад. Грековым, должен быть наиболее подробно освещен, т. к. от решения этих именно вопросов и зависит решение всей проблемы.

§ 2. Обратимся прежде всего к вопросу о развитии крепостничества в Московском государстве в XIV—XVI вв., так как история крепостничества в Пскове, по мнению Б. Д. Грекова, предопределяется общим ходом закрепостительного процесса в Московском государстве.

Прежде всего обратимся к выяснению, каково было положение крестьян в Московском государстве в XIV и первой половине XV в.

Б. Д. Греков решительно настаивает на всеобщем закрепощении московского крестьянства в этом периоде.

Для того, чтобы доказать этот тезис, Б. Д. Греков старается доказать преемственность закрепостительного процесса в Киевской Руси и в Московском государстве. Если крестьянство было уже закрепощено в Киевской Руси, то естественно, что при преемстве исторического процесса, оно должно быть крепостным и в Московском государстве. Б. Д. Греков указывает, что „очень больших и принципиальных отклонений от рассмотренных нами фактов мы здесь (т. е. в Северо-восточной Руси) не встретим: в новых терминах перед нами будут проходить в последовательном развитии те же основные явления феодальных отношений, которые мы наблюдали в Киеве и Новгороде“.¹

¹ Очерки, стр. 56.

Какие же данные приводит для доказательства этого, уже давно в историографии не высказываемого, мнения Б. Д. Греков? Оказывается, побуждает его не видеть отличий в процессе развития крепостнических отношений в Киеве и Северо-восточной Руси, предположение о том, что нормы „Русской правды“ не были совсем чуждыми даже в Москве, т. к. Двинская судная грамота носит явные следы влияния „Русской правды“, „Судебник“ Ивана III, в качестве одного из источников, знает „Русскую правду“ и что „Правосудие митрополичье“ связано с митрополитом в то время, когда он покинул Киев для Владимира. Значение этих доводов для нас станет ясным, если мы примем во внимание, что в Двинской грамоте имеется две статьи, имеющие уголовно-правовой характер, источником которых можно считать „Русскую правду“, равно как и „Судебник“. Но совершенно нет следов существования в Московской Руси норм „Русской правды“ о крестьянстве, о смердах, закупах, изгоях и т. д. Утверждать, что очень больших и принципиальных отклонений от развития феодализма и крепостничества не было в Северо-восточной и Московской Руси по сравнению с Киевской и Новгородской Русью — это значит отрицать своеобразие исторического развития отдельных частей Руси XI—XV вв., не понимать специфики генезиса феодализма в Новгороде, Суздальской и Галицко-Волынской земле. Но пусть будет так, тем более, что Б. Д. Греков, очевидно, и сам, понимая спорность своих утверждений, переходит непосредственно к доказательствам основной мысли, что XIV в. является эпохой наибольшего развития крепостничества в Московской Руси.

Всем известно, что для выяснения процесса закрепощения в Московском государстве в XIV в. у нас нет достаточного материала. Имеются только духовные и договорные грамоты князей, которые единственно могут нам помочь в этом деле; соответствующего актового материала мало, да и акты составлялись по общепринятому формуляру.

Каким же образом выйти из столь тяжелого положения? Б. Д. Греков выходит из него весьма оригинальным образом. Он для доказательства наибольшего развития крепостничества в XIV в. пользуется материалом XV в. и даже XVI в., т. е. материалом относящимся к эпохе раскрепощения. Приведем, чтобы не быть голословными, перечень этих документов: 1) грамота Владимира Андреевича 1410 г., 2) духовная грамота князя И. Ю. Патрикеева 1498 г., 3) жалованная грамота нач. XV в. кн. Юрия Ивановича Глушицкому монастырю, 4) грамота Кириллову монастырю серед. XV в., 5) писцовые книги Шелонской пятины конца XV в., 6) грамота Андрея Васильевича, брата Ивана III, 7) грамота Тверского князя Бориса Александровича отрочу монастырю (1437—1461 г.). 8) жалоба Федьки Жиголева на попов Пречистой Соборной церкви 60-70 г. XV в., 9) уставная грамота Маревской слободы 1530 г.¹

Материалы, относящиеся к XIV в., имеющие доказательное значение, весьма малочисленны: это договорные грамоты кн. Дмитрия

¹ Очерки, стр. 80.

Ивановича и Владимира Андреевича 1308 г., Духовная кн. Дмитрия Ивановича, уставная грамота Константиновского монастыря. Остальные материалы, относящиеся к XIII и XIV вв. приводятся Б. Д. Грековым, как общее правило, вовсе не для доказательства всеобщего закрепощения крестьянства, а для обоснования других попутных вопросов.

Но сделаем еще уступку. Пусть Б. Д. Греков оперирует для доказательства всеобщего закрепощения материалами XV в., когда, по его же утверждению, начался процесс раскрепощения. Нас главным образом интересуют результаты, к каким приходит Б. Д. Греков, применяя этот своеобразный метод использования материала.

И здесь обнаруживается, что он, в основном, приводит те же доказательства всеобщего закрепощения крестьянства в Московском государстве, что и Самоквасов. Как известно, еще задолго до Б. Д. Грекова, Самоквасов свой взгляд о всеобщем закрепощении обосновал на постоянном упоминании в договорных грамотах между князьями о взаимном непринятии слуг „под дворским“ и черных людей „под становщиками“. Б. Д. Греков развивает взгляды Самоквасова: „Неужели у себя дома все эти феодалы не принимали никаких мер к удержанию своих крестьян. Ответ неизбежно должен быть утвердительным“.¹ И в доказательство он приводит как раз указанные материалы XV и даже XVI в., где говорится о санкциях против уходящих крестьян и против тех, кто их принимает.

Мы считаем, что в историографии были недооценены работы Самоквасова о крестьянстве, что материал, который был привлечен Самоквасовым еще раз должен быть изучен. В частности, мы считаем, что норма о взаимном непринятии черных людей под становщиками является одним из основных моментов развития крепостничества, но было бы образцом юридического формализма считать внесение этой нормы в договора свидетельством окончания закрепостительного процесса. Прежде всего, надо выяснить, к какой массе крестьянства могла относиться эта норма. И здесь грамоты не оставляют никаких сомнений: 1) это прежде всего княжеские черно-тягловые крестьяне, 2) находящиеся под становщиками. Но в грамотах совершенно не говорится о массе крестьян, не охваченных еще княжеской администрацией, не охваченных „окняжением“, а таких было еще много в XIV в., как исчерпывающим образом доказал Павлов-Сильванский, специально изучивший этот процесс и, конечно, не говорится о крестьянах, сидевших на земле церковных и светских феодалов.

Б. Д. Греков совершенно прав, когда говорит, что князья, вводя в договорные грамоты условие о непринятии крестьян, принимали меры к удержанию своих крестьян от перехода в чужое княжество и, вероятно, к другим феодалам. Но в каких документах, относящихся к XIV в., говорится, что князья принимали меры к недопущению перехода крестьян от одного

¹ Очерки, стр. 80.

феодала к другому внутри княжений? Таких данных нет и их не может привести Б. Д. Греков. Даже в цветущее время историко-юридической школы, когда мы наблюдали постоянное отождествление правовых норм с явлениями жизни, попытки Самоквасова доказать, ссылаясь на наличие нормы в междукняжеских договорах о непринятии крестьянства, тезис о всеобщем закреплении крестьянства не имел никакого успеха.

Б. Д. Грекову надо было показать, если он даже и всерьез хотел использовать материал, указанный Самоквасовым, что и другие группы крестьянства, кроме черных крестьян под становщиками, были закрепощены, а между тем он этого не сделал.

Таким образом, попытки Б. Д. Грекова доказать всеобщее закрепощение крестьянства в Московском государстве XIV в. и первой половине XV в. не могут быть сколько нибудь убедительными. Это голая схема без фактов.

§ 3. Итак, как было выяснено, теория о всеобщем закреплении крестьянства в Московском государстве в XIV и первой половине XV в. является необоснованной. Но посмотрим теперь, как же развивался все же процесс закрепощения, если мы будем его изучать на дошедших до нас документальных данных.

И здесь выясняется, что этот процесс шел вширь и вглубь; он охватывал все большие группы феодально-зависимого крестьянства. Закреплялись холопы на пашне, закрепощались крестьяне в результате задолженности, закрепощались другие разряды крестьян, но этот процесс даже и ко 2-й половине XV в. был далек от своего завершения. Холопы, посаженные на землю в Московском государстве, получили название страдников, страдных людей. Несомненно, страдники имели свой дом, закреплённый за ними земельный участок, жили они со своими семьями и справляли барщину и платили оброк подобно другим разрядам крепостного населения. Наиболее ярко определяется положение холопов на пашне в духовной грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеева, относящейся к XV в. В этой грамоте отмечается, что холопы жили на отведенной им земле со своими семьями: „А людей своих отпускаю на свободу: Зеленю с женою и с детми и с землею, да Алексейка Рахманова с женою и детми и с землею, да Осташа Некраса Андрейкова сына Моланьина и с детьми и с землею“...

В быту и практике страдники, несомненно, мало чем различались от других разрядов крепостного населения. По мере того, как они фактически сближались с крепостными людьми, их права начинают расти. Они не только получают землю от своих господ, но и покупают, продают и даже дарят ее. А некоторая часть холопов, очевидно, имевшая отношение к сельской администрации, обладала даже селами и деревнями, т. е. стала смыкаться с низшими группами феодалов.

В качестве иллюстрации можно привести дарственную запись Хари Лагирия, холопа князя Юрия: „Се аз, Харя Лагирь, дал есмь в долг пречистой да и своему господину Ионе, митрополиту

Киевскому и всея Руси, свою пустошь Бортневскую, что есмь себе купил у Микулы у Мишня да у Жеребила у Иванова человека Владимировича, и с лесом и с пожнями, и с всем тем, что к ней потянуло..."¹

В духовной верейского князя Михаила Андреевича говорится: „А то мои люди, кого буду чем пожаловал, жалованьем и деревнями, и государь бы мой, князь великий, после моего живота моего жалованья не порушил, чтобы мои люди после моего живота не заплакали“.

Мы не имеем, конечно, возможности установить число и, отсюда, удельный вес в феодальном хозяйстве холопов, посаженных на землю и фактически превратившихся в крепостных, но, поскольку мы находим постоянное упоминание о них в духовных грамотах и других актах, можно считать число их довольно значительным.

По вычислениям М. А. Дьяконова, повидимому, сделанным на основании позднейших данных, число людских дворов в разных уездах Московского государства колебалось, не превышая в одних 3—5%, поднимаясь в других до 7—17% и достигая в Каширском и Тульском уездах 25—30% в составе крестьянских дворов.² Нам думается, что в основном эти цифры могли быть и в XIV и первой половине XV в.

Далее целый ряд групп сельского населения стал закрепощаться еще в XIV в. в результате задолженности.

Несомненно, задолженность была основанием для закрепощения не только в Киевской, но и в Северо-восточной Руси и во всяком случае до оформления Московского государства. Так, летопись под 1262 г. говорит о массовом, закрепощении должников. Сообщая о восстаниях против татар летописец объясняет их тем, что „оканьими бесурмени откупали у татар дань и работяще резы, и многи души крестьянская раздно ведоша“, что „работающе люди христьянския в резех и многи души разведены быша“ и т. д. Нет сомнения, что задолженность продолжала быть основанием закрепощения и в Московском государстве. Дошедшие до нас источники говорят нам, что через задолженность теряли свободу многочисленные группы крестьян. Одни потому, что должны были работать за рост, т. е. за проценты на взятую сумму и, следовательно, фактически были лишены возможности расплатиться со своим кредитором, — землевладельцем, другие потому, что вообще не в состоянии погасить долг. Типичной группой крестьянства, закрепощавшейся благодаря работе „за рост“, была группа кабальных людей, т. е. людей принявших на себя долговое обязательство, давших на себя кабальную запись. Известно, что слово кабала — слово татарское; поэтому можно думать, что этот тип долговых обязательств, вытеснивший древнее закупничество, возник еще в первые годы татарского владычества. В исторической литературе на кабалу мало обращали внимания, как на один из основных источников

¹ А. до Ю. Б., I, № 103, I.

² М. А. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4-е, СПб, 1912, стр. 378.

закрепощения. Обычно кабальных людей сближали с холопами; интересовались только юридическими отношениями, возникающими из кабальной записи, но забывали при этом, что значительная часть кабальных людей,— это крестьянство.

В особенности, источником закрепощения была так называемая служилая кабала. По этой служилой кабале, кабальные люди должны были работать „по вся дни“ „за рост“ во дворах своих кредиторов. Естественно, что они были не в состоянии, благодаря повседневной работе, добыть денег для погашения долга. Нет никакого сомнения в том, что хотя первые кабальные записи относятся к XV в., но было бы совершенно неправильно относить к этому времени и самое возникновение их. Для того, чтобы возник и оформился формуляр самих кабальных записей, надо довольно значительное время. Поэтому мы с полной уверенностью можем утверждать, что кабальные люди существовали уже в XIV в. и даже в это, следовательно, время они закрепощались.

Задолженность была основанием для закрепощения и тех групп феодально-зависимого крестьянства, которые получили от землевладельца ссуду или подмогу и не в состоянии ее уплатить или погасить работой. Как известно, ссуда или подмога давалась деньгами — „серебром“. В зависимости от того, обязывались ли взявшие в ссуду деньги платить проценты — „рост“ или взамен этой уплаты работать, серебро называлось ростовым или издельным. Крестьяне же, получавшие серебро, назывались серебрянниками, причем серебрянники, которые должны были за рост работать, назывались издельниками.

Взявшие ссуду крестьяне — серебрянники должны были нести разнообразные повинности, которые достаточно велики были для крестьянина необремененного долгом. Естественно, что такой серебрянник не мог зачастую в течение всей своей жизни погасить задолженность и рисковал быть переданным землевладельцу „головой до искупа“ в случае взыскания с него долга через посредство суда. Отсюда, постепенно, начинает слагаться представление, что серебрянник — человек вообще находящийся во власти своего хозяина, что он ему крепок. А это представление начинает получать свое отражение не только в быту и административной практике, но и в грамотах, которые давали Московские и удельные князья отдельным землевладельцам и в первую очередь монастырям. Так, в грамотах, данных Ферапонтову и Кирилло-Белозерскому монастырям говорится о серебрянниках: „который пойдет о Юрьеве дни монастырских людей, и он тогда и деньги заплатит“, „коли серебро заплатит, тогда ему и отказ“. Словом, серебрянник, не уплативший долга, не получал отказ, следовательно, делался крепким землевладельцу. Грамоты, на основании которых закрепощаются не уплатившие долга серебрянники, относятся к третьей четверти XV в., но даже такой, осторожный исследователь, как акад. М. А. Дьяконов¹ не сомневается в том, „что грамоты, подобно указанным, давались и

¹ Указ. соч., стр. 307.

другим монастырям и, быть может, волостям и светским землевладельцам". Но нельзя сомневаться и в том, что эти грамоты могли даваться гораздо раньше, нежели половина XV в. Во всяком случае, норма о закрепощении серебрянников должна сложиться за долго до того, как она получила свое отражение в грамотах. Следовательно, не будет необоснованным преувеличением положение, что серебрянники были одним из разрядов крепостного крестьянства уже в первой половине XV в., если не ранее. Наконец, могла быть и такая группа крестьян, неоплатная задолженность которых могла возникнуть в результате многолетнего невыполнения повинностей и многолетней невыплаты требуемого землевладельцами оброка. По мере того, как усиливалась феодальная эксплуатация, вероятно мало-кто из крестьян, был свободен от долгов. Поэтому, возникла презумпция, что всякий крестьянин, живший у помещика более или менее продолжительное время, является неоплатным должником, подлежащим в случае обращения в суд выдаче „головою до искупа". Эти крестьяне в Московском государстве получили особое название старожильцев.

Первые грамоты о закрепощении старожильцев относятся к середине XV в. Так, уже в грамоте 1455 г. Троицкому Сергиеву монастырю говорится: „которого их хрестьянина из того села и из деревень кто к себе откажет, а их старожильцы и аз князь велики тех крестьян из присек и их деревень не велел выпускать ни к кому".¹

Но нет ни какого сомнения в том, что могли быть и другие недошедшие до нас грамоты о закрепощении старожильцев, изданные раньше середины XV в. Но даже если бы этих грамот не было издано, приходится все же настаивать на начавшемся закрепощении их во всяком случае в первой половине XV в. Ведь для того, чтобы была издана княжеская грамота о закрепощении старожильцев, надо, чтобы старожильцы были фактически закрепощены уже в недрах феодальных сеньорий при помощи мер административного воздействия. Ведь грамоты не устанавливают закрепощения старожильцев, а санкционируют уже сложившиеся отношения.

Одновременно с закрепощением некоторых разрядов населения в Московском государстве происходит процесс начавшегося закрепощения всей массы сельского населения, процесс, который как было указано, не получил своего завершения не только к первой половине XV в., но и к началу XVI в.

Началом этого процесса надо считать постепенное сложение нормы о невыходе крестьян с территории княжений. Нет особых затруднений для того, чтобы понять, почему должна была сложиться подобная норма: выход крестьян из княжества означал уменьшение сбора дани и оброков. В конце концов, эта норма находит свое отражение в междукняжеских договорах. В них мы обычно читаем следующий пункт: „А которые слуги потягли к дворяскому, а черные люди к сотникам тых ны не пренимати".

¹ А. И., т. I, № 58; А. Э., т. I, № 64; А. до Ю. Б. I, № 37.

В некоторых договорах вместо слова „сотников“ стоит „становщиков“. Вплоть до Самоквасова этот пункт междукняжеских договоров не привлекал внимания со стороны историков, изучавших происхождение крепостного права в Московском государстве. Самоквасов первый оценил значение этой нормы, но, как было указано, преувеличил это значение: он стал считать ее чуть ли не основанием всеобщего закрепощения крестьянства уже в первые века Московского государства. Мы подвергли критике это положение, но тем не менее, сложение этой нормы мы признаем одним из крупнейших этапов в развитии русского крепостничества.

Мы прежде всего, принуждены констатировать, что норма о невыходе крестьян из территории княжений, не только имела внешнее, но и внутреннее значение. Князья, конечно, всеми силами удерживали крестьян, желавших уйти в другое княжество. Наивно звучит утверждение М. А. Дьяконова¹ о том, что князья не могли запретить переселения крестьян „и по очень простой причине: от князя, издавшего такой запрет, если не все, то очень многие крестьяне ушли бы в соседние княжения, где переход не встречал никаких стеснений“. Князья могли не издавать указов, запрещающих переход крестьян в другое княжение, но за то могли давать распоряжения своим административным органам, тем же сотникам и становщикам задерживать уходящих. Вместе с тем эта норма в междукняжеских договорах показывает, что князья усваивают себе право удерживать вообще всех крестьян на территории своих княжений, распоряжаться их судьбой. Поэтому, неудивительно, что в различного рода грамотах, даваемых землевладельцам, встречаемся с распоряжениями не принимать княжеских людей („тутошних людей волостных или становых, моих людей великого князя“, „из моих волостей и из моих сел, из наших вотчин“, „тяглых, письменных и вытных людей“).

И опять надо признавать этот пункт грамот имеющим совершенно реальное значение. Несомненно, если бы землевладелец принял людей великого князя, то ему пришлось бы их отпустить. Правда, до нас дошли грамоты, где подобных запрещений не содержится, но М. А. Дьяконов был совершенно прав, когда говорил, что неупоминание этого запрещения не есть еще его отмена.¹

Поэтому мы считаем, что указанная норма в междукняжеских договорах и жалованных грамотах является основанием для закрепления значительной массы сельского населения, живших в княжеских селах и волостях. Князья считали своих крестьян крепкими себе и своему княжению. Поэтому нам теперь не трудно понять и другую норму из междукняжеских договоров XIV—XV вв. „А хрестьяном меж нас вольным воля“. Значит были крестьяне вольные и крестьяне, подвергшиеся уже закрепощению.

¹ Указ. соч., стр. 305—306.

¹ Указ. соч., стр. 305.

По мере того, как князья из удельных князей превращались в служилые, норма о непринятии уходящих в другое княжение крестьян, конечно, должна была сохраниться, хотя никаких договоров служилые князья уже не заключали ни с великим князем, ни с удельными, ни со своими соседями.

§ 4. Обращаемся теперь к другому, основному пункту проблемы, это к изучению процесса раскрепощения в Московском государстве. Прежде всего нас должен заинтересовать вопрос: к какому времени Б. Д. Греков относит начало и конец раскрепощения.

Б. Д. Греков старается не давать прямого и точного ответа на этот вопрос. И это не удивительно: он принужден был оперировать одними и теми же материалами, как для доказательства закрепощения, так и для доказательства раскрепощения.

Сперва, характеризуя положение крестьянства XIV—XV вв. он отмечает, что „бродяжничества крестьян во сколько-нибудь широких размерах нет: подавляющее большинство крестьян сидит в своих деревнях подолгу“, что „крупные, старые феодалы заинтересованы в сохранении рабочих рук и стараются удержать их за собой возможно крепче“.¹ Следовательно, мы должны на основании этих высказываний Б. Д. Грекова сделать вывод, что в XV в. положение крестьян было одинаковым с положением XIV в., но, перевернув несколько страниц, мы читаем уже о другом. Оказывается, что „XV в. есть время — когда наметились итоги нового этапа в истории русского феодализма“, т.е. время раскрепощения крестьянства. Что же касается начала вторичного закрепощения, то это 1580 г. когда был издан указ о заповедных летах.

Посмотрим теперь, какие признаки раскрепощения с середины XV в. приводит Б. Д. Греков.

Б. Д. Греков отмечает три признака: установление Юрьева дня, сокращение рабовладения и развитие вольно-наемного труда.

В первую очередь разберемся, какое значение для проблемы второго крепостничества имеет сокращение рабовладения. На основании каких материалов приходит Б. Д. Греков к утверждению, что рабовладение сокращается в XV в. Чтобы сделать такое ответственное предположение, надо привести цифры, рассмотреть большой материал, словом уделить изучению этого вопроса большее внимание. Б. Д. Греков ограничивается только указанием на то, что князья XV в. отпускают после своей смерти своих холопов на волю и что протопоп Сильвестр и Башкин отпустили холопов еще при своей жизни. Но какое значение могут иметь эти данные для доказательства факта сокращения рабовладения для XV в. Нам думается, что никакого. Мы считаем наивным принимать в расчет лицемерный жест феодала об отпуске холопов после смерти. Ведь в продолжении своей жизни он рабов не отпускал. А кроме того, феодалы прекрасно

¹ Очерки, стр. 83.

сознавали, что его преемники все равно обзаведутся рабами. Вероятно, те же отпущенные холопы, лишенные средств производства, не выходили даже из дворца, делаясь полными или докладными холопами преемников князей-завещателей. Очень характерно, что князья начали отпускать холопов уже с начала XV в. и можно бы думать, что холопов вообще не должно быть у позднейших князей, но оказывается, каждый князь в конце XV в. отпускает холопов в своих завещаниях. Ссылка на отпуск холопов Сильвестром и Башкиным, слишком особые случаи, чтобы их можно признать массовыми явлениями.

Сокращение числа рабов не может быть признаком раскрепощения в феодальном обществе; наоборот, оно иногда бывает как раз признаком роста крепостнических тенденций, признаком дальнейшего оформления крепостничества. За примерами ходить далеко не надо; достаточно вспомнить мероприятия Петра.

2. Никакого значения не может иметь и другой признак раскрепощения крестьянства, отмеченный Б. Д. Грековым — это развитие вольно-наемного труда. Но материал, который приведен в доказательство этого развития, крайне скуден (ссылка на того же Сильвестра и Башкина) чтобы сделать какие-либо выводы.

Б. Д. Грекову указание на все эти моменты необходимо было для того, чтобы показать, что в XV в. происходили какие-то особые сдвиги в форме эксплуатации. Это была своего рода дымовая завеса, за которой он хотел обосновать главный довод в защиту раскрепощения, именно постановления о крестьянском отказе, о Юрьевом дне. Именно, этот момент является основным в теории вторичного закрепощения.

Греков имел уже предшественников в своей оценке постановлений о крестьянском отказе. Еще Самоквасов, а за ним Беляев и Аргунов, считали эти постановления о крестьянском выходе признаком смягчения старых более тяжелых форм крестьянской эксплуатации. Но эти высказывания не имели никакого успеха. Б. Д. Греков должен был учесть это и усилить свою аргументацию. Каково же удивление читателя, когда обнаруживается, что никакой новой, более доказательной аргументации ими не делается. Более того, его аргументация носит еще более примитивный характер, т. к. она основана на предположении о всеобщем закрепощении крестьянства в XIV в. Он рассуждает так: до середины XV в. все крестьяне были закрепощены; в середине XV в. появляются первые грамоты, в которых говорится о выходе, а затем эта норма получает всеобщее значение в Судебниках, следовательно это постановление раскрепощает крестьянство. Следовательно, вся сила его доводов покоится на той аксиоме, что вся масса крестьянства была закрепощена еще в XIV в., но мы уже показали, что это не аксиома, а предположение, фактами не подкрепленное. Но мы пойдем еще дальше и постараемся показать, что постановления о крестьянском отказе не только не ведут к раскрепощению, а, как раз, наоборот они являются одним из моментов и весьма серьезных в развитии закрепостительного процесса.

Для этого нам необходимо выяснить, как и когда появились первые грамоты о выходном дне. Первой грамотой считается грамота белозерского князя Михаила Андреевича, данная в ответ на челобитье игумена Ферапонтова монастыря Екима, который жаловался на то, что староста дворцовой волости принимает к себе в волость „монастырских половников в серебре“ без соблюдения каких-либо сроков, предоставляя рассрочку в два года. Староста действовал в этом случае на основании грамоты того же князя, в которой разрешалось принимать монастырских половников в серебре „межень лета и всегда“. В рассматриваемой грамоте князь, идя навстречу монастырю, этот порядок отменил и дал новую грамоту, где устанавливался Юрьев день осенний в качестве срока приемки половников-серебренников и вводилось требование уплаты долга перед уходом половника из монастыря.

Спрашивается, в чьих интересах изменил старый порядок князь Михаил Андреевич: в интересах ли крестьян, которые могли ранее менять своего хозяина, когда хотели, и тем самым добиваться выгодных условий, или в интересах монастыря, который благодаря установлению одного срока для выхода мог принять ряд мер: если не допустить этот переход, то его затруднить? Не уплатившему же долга серебренник выход совершенно не давался. Только при крайнем формализме юридической школы, не желавшей понимать мотивов и обстановки, при которой возникала правовая норма, а бравшей голую норму, можно объяснить эту меру Белозерского князя, как облегчение или раскрепощение крестьянства.

Но у нас имеются еще и другие грамоты, на разборе которых можно выяснить мотивы издания постановления о крестьянском выходе. Возьмем грамоту данную Кириллову монастырю в ответ на челобитие игумена Касьяна. В этой грамоте речь идет об установлении единого срока не только для серебренников, но и для других разрядов крестьянства, которые не могли быть в распоряжении кредитора, т. к. они не были должниками, а именно, для половников, „рядовых людей и юрьевских“ (в ответной грамоте князя они называются свободными людьми — „серебренники и половники и свободные люди“). До грамоты все эти разряды крестьян могли переходить совершенно свободно „межень лета и всегда“, а сейчас они уже приравниваются к серебренникам. Что же, и здесь мы должны говорить об облегчении, о раскрепощении крестьянства?

Рассмотрение других грамот показывает нам, что категория людей, выход которых стесняется князьями постепенно расширяется. Тот же игумен Касьян в челобитие Московскому и Вологодскому князю просит установить Юрьев день для „людей монастырских всех и серебренников“, следовательно, он имеет в виду стеснить выход всей рабочей силе монастыря. И он добивается этого. Старцы Кириллова монастыря имеют не меньший успех: они просят установить единый срок выхода — Юрьев день для людей монастырских серебренников с двorca

и деревень и добиваются того, что в ответной грамоте князя все эти разряды обобщены в слове — „крестьяне“.

В результате издания отдельных грамот постепенно создается общая норма о времени крестьянского выхода, путем установления крайне невыгодного для крестьян единого срока, которая затем и фиксируется в Судебниках.

Само собой разумеется, что уже закрепощенные разряды крестьянства — страдники, черно-тяглые крестьяне под становщиками, старожилы и, вероятно многие другие группы, положение которых мы не могли изучить за недостатком источников — не имели выхода. Ни в одной грамоте не говорится об установлении выходного дня для старожилцев или страдников.

Установление единого срока в году для крестьянского выхода, как указано, является крупным этапом в истории крепостничества. К крепостничеству, можно сказать, были подведены еще не закрепленные разряды сельского населения. Установление единого срока для крестьянского выхода давало возможность феодалам мобилизовать к определенному моменту все силы, чтобы затруднить крестьянский выход. Феодалской властью был выбран как раз такой срок, который был крайне неудобен для крестьянина. Без фуража, без больших запасов хлеба и продовольствия было крайне трудно тронуться в путь на поиски новых, лучших мест. Естественно, что крестьянский выход стал обращаться в крестьянский вывоз, о чем много и подробно писали исследователи крепостничества в России. Словом, масса крестьянства в XV и XVI вв. все более и более сближается по своему положению с уже закрепленными группами — страдниками, старожилцами и т. д.

Что закрепостительный процесс, именно, как раз к концу XV и начале XVI вв. получил наибольшее развитие доказывается ростом кабальных людей, и что всего интереснее, постепенным сближением кабальных людей с холопами. Б. Д. Греков достаточно подробно анализирует этот процесс и приводит ряд интересных данных, где кабальные люди отпускались на волю по завещанию вместе с полными холопами.

Рост кабальных отношений является как раз признаком того, что закрепостительный процесс идет и вширь и вглубь.

§ 5. Посмотрим все таки теперь, как объясняет Б. Д. Греков недоказанный, как мы могли убедиться, факт раскрепощения крестьянства в XV — XVI вв.

Он связывает начало раскрепощения с тем, что „представитель старого строя боярин-вотчинник стал уходить со сцены, уступая место своему бывшему вассалу помещику, у которого позади была служба в боярской вотчине „под дворским“, а впереди широкий простор возможностей, связанных с непосредственной службой феодалу“, тем, что „больше разрастался новый тип землевладения — поместье с его агрессивно настроенным хозяином-помещиком“, который „был заинтересован в возможности зазывать к себе в имение крестьян и которому был не выгоден старый порядок, когда запрещали принимать и

призывать к себе рабочую силу из тутошних старожильцев".¹

Этот процесс по Б. Д. Грекову сопрягался с ростом капиталистических отношений (заменой колонского труда — наемным), ростом городов, развитием купеческого и ростовщического капитала и разорением боярства, развитием денежной ренты, словом подъемом производительных сил. Но ведь это совсем не то, что говорили Маркс и Энгельс, объясняя причины раскрепощения в Германии. Они также отмечали развитие производительных сил, подготовленное крестовыми походами, но главная причина раскрепощения — это колонизационный процесс. Одним развитием производительных сил нельзя объяснить раскрепощение крестьянства. Ведь развитие производительных сил в меньшей степени наблюдалось в тех же германских странах в XVII и в XVIII в.в., а у нас в России в конце XVII в. или в конце XVIII в, но раскрепощения не произошло; наоборот крепостническая эксплуатация стала крайне усиливаться. Следовательно, Б. Д. Грекову не только не удалось доказать факт раскрепощения, но даже и объяснить в достаточной степени убедительно возможную причину этого раскрепощения в Московской Руси в XV в.

Перейдем теперь к последнему пункту проблемы — ко „вторичному закрепощению“.

Прежде всего Б. Д. Грекову надо было опровергнуть укоренившийся в историографии взгляд, что в XVI в., т. е., когда, по его мнению, шло раскрепощение, как раз наблюдался процесс постепенного превращения крестьянского выхода в крепостнический вывоз, когда статья Судебников об отказе постепенно стала мертвой буквой закона. Здесь, в качестве исчерпывающего доказательства святости и ненарушимости законов о крестьянском отказе, он приводит данные Волоколамского монастыря. В частности, он цитирует приходо-расходные книги этого монастыря, где были произведены записи о сборе пожлого и погашении крестьянами долга, сделанного „на выход“.

Наличие этих записей и должно было показать, что все, что говорили историки о закрепощении в XVI в. и, в особенности, в середине XVI в. — все это должно быть отвергнуто. Норма судебников не была поколеблена.

Но можно ли придавать такое значение этим новым материалам. И до опубликования этих данных Б. Д. Грековым никто не сомневался, что до издания указа о заповедных летах и последующих указов об урочных летах некоторые группы крестьян сохранили возможность перехода (некоторые группы крестьян сохранили эту возможность и после издания указа), что, следовательно, правила Судебника о крестьянском выходе продолжали сохранять свое значение. Но в исторической литературе приводилось множество данных, говоривших о массовом закабалении крестьянства и о замене отказа вывозом крестьян. Документы Волоколамского монастыря не говорят больше того,

¹ Очерки, стр. 89.

что известно и что предполагалось всеми, кто занимался историей крепостного права в XVI в. Не может же Б. Д. Греков претендовать на то, чтобы выдержками из прихода-расходной книги одного монастыря можно опровергнуть не менее яркие и убедительные материалы о массовом закрепощении.

С другой стороны, монастырские документы о святости и ненарушимости статей о крестьянском отказе не могут иметь такого значения, какое ему хочет усвоить Б. Д. Греков, потому что основным очагом развития крепостничества в эту эпоху делаются вотчины и поместья светских средних и мелких феодалов.

Перейдем теперь к рассмотрению взглядов Б. Д. Грекова на причины и общую обстановку вторичного закрепощения в конце XVII в. Здесь Б. Д. Греков является формально последовательным. Если процесс раскрепощения вызван подъемом производительных сил, то вторичное закрепощение — кризисом, который переживало Московское государство в последней четверти XVI в. Причины этого кризиса в достаточной степени известны. Но при формулировке их Б. Д. Грековым выделяются противоречия с прежними его высказываниями о причинах раскрепощения.

„Прежде всего“, говорит он, „здесь нужно иметь в виду тот процесс быстрого развития денежного хозяйства, связанный с разложением крупных феодальных владений, обеднением их владельцев, переходом их земли в другие руки, с разложением деревни и связанным с ним появлением массы бедняков; необходимо также учитывать тот до крайности обостренный момент классовой борьбы, так называемую опричину, благодаря чему крестьяне из княжеских и боярских вотчин с их традиционными старофеодальными порядками, с нетяжелыми и очень устойчивыми, из поколения в поколение переходившими, повинностями массами попадали под власть новых владельцев-помещиков, поставленных в необходимость выжимать из своего владения возможно больше денег. Ясно, что крестьяне при этих условиях не могли замечать резкой разницы в своем положении и мысль о возможности переменить хозяина или уйти вообще от всяких хозяев на вольное житье приходила сама собой“.¹ Указывая на разорение крестьян войнами, Б. Д. Греков отмечает, что тем не менее „войны, которые имели удачный для русской стороны исход, в значительной степени вызвали центробежные стремления крестьянина, т. к. завоеванные земли являлись слишком соблазнительной приманкой, чтобы не пользоваться ею при создавшихся тяжелых условиях на старых насиженных местах“.

Мы не будем оспаривать установленные Б. Д. Грековым причины кризиса. Пусть будет так, как он говорит. Но поражает тот факт, что основной причиной закрепощения крестьян по Б. Д. Грекову является усиление эксплуатации, которая, конечно, должна проявиться задолго до издания указа о запovedных летах, а это усиление было вызвано быстрым разви-

¹ Очерки, стр. 144.

тием денежного хозяйства. Значит, развитие денежного хозяйства в XV в. порождает раскрепощение, а в XVII в. вторичное закрепощение. Но дальше читатель может не поверить своим глазам: оказывается при традиционных старо-феодальных порядках повинности масс были не тяжелыми и очень устойчивыми, из поколения в поколение переходившими; теперь же массы подпали под власть новых владельцев — помещиков, поставленных в необходимость выжимать из своего владения возможно больше денег. Наведем справку, когда же происходит замена этих не тяжелых и очень устойчивых повинностей на тяжелые и устойчивые у самого Б. Д. Грекова. Оказывается это было в XV в.

„XV век, говорит он, есть время, когда ясно наметились итоги нового этапа в история русского феодализма, когда разрозненные феодальные княжества слились в Московское государство, когда представитель старого строя боярин-вотчинник стал уходить со сцены, уступая место своему бывшему вассалу-помещику, у которого позади была служба в боярской вотчине, „под дворьским,“ а впереди широкий простор возможностей“.¹

Здесь сразу бросается два противоречия: 1) оказывается в XIV в., когда были традиционные старо-феодальные порядки, повинности крестьян были не тяжелы, тогда как ранее Б. Д. Греков нас убеждал, что именно тогда была эпоха первого крепостничества и наоборот в XV в. положение крестьян стало облегчаться; 2) вторичное закрепощение вызвано было, в конечном счете, быстрым ростом денежного хозяйства, но этот рост денежного хозяйства, как ранее доказывал Б. Д. Греков, вызвал и раскрепощение крестьян.

Обратимся к третьему моменту, вызвавшему по мнению Б. Д. Грекова вторичное закрепощение — стремлению крестьянства переселиться в новозавоеванные страны, в частности, в Казань и т. д. Но так как колониационное движение захватило не только крестьян, но и помещиков, которые были заинтересованы в привлечении рабочей силы, то, следовательно, по Б. Д. Грекову, в противовес высказываниям Маркса и Энгельса у нас усиление колонизации повлекло за собой закрепощение.

В заключение нам хотелось коснуться вопроса о значении теории вторичного закрепощения для общей концепции русского исторического процесса. Когда эта теория была принята, как то не отдавали достаточного отчета о том, что означает принятие этой теории. Сторонники этой теории считали просто, что теория вторичного закрепощения интересная, но небольшая сравнительно, поправка в общей схеме исторического процесса, принятого в Марксо-ленинской историографии.

Но если мы достаточно вдумываемся в эту теорию, то окажется, что при ее принятии вся схема русского исторического процесса, начиная с XII и кончая XVI в. должна быть пересмотрена в основных своих элементах.

Принятие этой теории прежде всего ведет к признанию полного завершения процесса феодализации к XIII—XIV вв. (к XV в.,

¹ Очерки, стр. 89.

согласно этой теории, вся масса сельского населения была закреплена).

Далее, признание факта закрепощения крестьянства с середины XV в. до 80-х годов XVI в. влечет за собой признание того, что старая княжеская и боярская вотчина была очагом феодальной эксплуатации, очагом крепостничества, а поместье XVI в. очагом льготных и более легких форм эксплуатации, что смысл всей борьбы помещиков со старым боярством и княжатами заключался в борьбе за эту новую льготную форму феодальной зависимости. Отсюда должно измениться и представление об опричине. Опричина — это борьба за новые, льготные формы эксплуатации против крепостников — старых феодалов — княжат и старого удельного боярства. Следовательно весь смысл деятельности Ивана Грозного, характер его реформ тоже должен быть пересмотрен. Наконец, кризис 80-х годов тоже иначе должен быть объяснен. Если опричина и поместья средних и мелких феодалов были очагами более легких форм феодальной эксплуатации, если действительно была, как хочет доказать Б. Д. Греков, при помощи приходно-расходных книг Волоколамского монастыря, сохранена святость и ненарушимость статей Судебников о крестьянском выходе, то надо пересмотреть вопрос о кризисе 80-х годов.

До сего времени мы считали, что этот кризис был вызван, именно, новыми жестокими формами крестьянской эксплуатации, которые применяли помещики в своих владениях. Словом, все наши представления о расстановке классовых сил, о новых формах политической организации так назыв. реформах Грозного — все это должно быть пересмотрено.

Но можно ли это сделать? Можно ли, основываясь на имеющемся изученном материале перестраивать заново всю схему русского исторического процесса XIII-XVI вв. Нам думается, что пока в нашем распоряжении нет нового материала — этот пересмотр будет просто необоснован. Пока же факты говорят нам о том, что крепостничество шло как и в XIV, так и в XV и XVI вв. вширь и вглубь, захватывая все новые и новые группы крестьянства. Опричина это не только форма борьбы за землю, форма экспроприации земли княжат и старого боярства, но основной очаг новой несравненно более жесткой крепостнической эксплуатации.

§ 6. Обосновав теорию вторичного закрепощения в Московском государстве, Б. Д. Греков в своей работе „Земледелец и землевладелец в Пскове XV в.“ решил доказать раскрепощение и вторичное закрепощение в Пскове. Для этой цели он подверг анализу рассказ псковских летописей о событиях 1434—1436 г. Этот рассказ многократно был предметом внимания в исторической науке. В свое время нами была посвящена специальная работа его разбору.¹

Суть этих событий заключалась в том, что после того, как Псков окончательно вошел в политическую орбиту Московского

¹ Юшков С. В., Псковская аграрная революция в конце XV в. Изв. научного о-ва Марксистов, № 3.

государства, псковские смерды, поддерживаемые Московским правительством, отказались выполнять повинности, которые они были обязаны нести, согласно особой смердьею грамоты, хранившейся в ларе Троицкого собора, т. е. в Государственном архиве Пскова. По рассказу летописи, это старая смердья грамота была подменена новой, в которой эти повинности повидимому или были отменены, или же сильно уменьшены. Псковичи обвиняли в этой подмене своих посадников, действующих по наущению Московского наместника кн. Ярослава („Того же лета смердов посадили на крепость в погребе; а посадников на заповеди закликаша, что грамоту новую списали и в ларь вложиша на сених со князем Ярославом; а Псков того не ведает. Того же лета посадника убиша Гаврила месяца июня в 13, а убиша его всем Псковом на вечи“).¹ Ларнику Есипу удалось скрыться. Посадники — Леонтей Тимофеевич, Стефан Максимович и Василий Коростовой убежали в Москву. Когда великому князю Ивану III стали известны эти события в Пскове, то он стал „держать нелюбко“ на псковичей. Тогда Псковичи послали посольство к нему во главе с посадником Котовым, которое должно было добиться, чтобы князь великий „отдал свои нелюбки, что казнили смердов“. Но Иван Васильевич все-таки велел смердов отпустить, а посадников откликати и животы отпечатать, а князю Ярославу добити челом: „и тогда почнете ми бити челом и аз великой князь о вашем добре погадаю.“

Когда посольство передало псковичам ответ великого князя, то черные молодшие люди не поверили; они послали еще три посольства, но получили тот же ответ. В городе между тем шла ожесточенная борьба между верхушкой Псковского общества — посадниками, боярами и знатными людьми, которые настаивали на подчинении воле великого князя („восхотеша правити слово великого князя — смердов отпустили, а посадников откликати, а мертвая грамота списана на них выкинути и с князем Ярославом бити челом князю великому“) и черными молодшими людьми — которые настаивали на своей правоте и были уверены в безнаказанности своих действий, направленных против смердов („мы о всем том правы и не погубит нас о том князь великий“). Но в конце концов молодшим людям пришлось подчиниться непреклонной воле Московского царя. Все эти волнения продолжались в течение трех лет. Когда можно было считать, что вопрос о смердах окончательно решен, вновь вспыхнула борьба по этому вопросу.

„По мале времени“, рассказывает летопись, „прилучися некоему попу у Норовских смердов чести грамоты, и найде тую грамоту, како смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову всякий работы урочный по той грамоте им знати, а о той грамоте смердья всей земли смятение. бысть, что они потюивши грамоты, не потянуша на своя работы, в Псковичем, не сведующем о них, како от начала бысть, а они обольстиша князю вели-

¹ ПСРЛ, т. IV, под. 1486 г.

кому и о том все по криву сказа́ша. И такую́ю грамоту смерд исторже у попа из рук и скры́“.

Это новое обстоятельство послужило основанием для посылки нового посольства, в состав которого кроме Псковичей входили и обидни́и люди из волостей, т. е. землевладельцы.

Это посольство должно было довести до сведения великого князя о находке старой грамоты и добиться пересмотра решения о повинностях смердов в соответствии с интересами молодых людей Пскова и волостных землевладельцев. Но великий князь остался и теперь непреклонным: „он, ярым оком воззрев, рече: давно ли аз вам о смердах вины отдал, а ныне на тоже наступаете“. Вот эти-то события и были истолкованы Б. Д. Грековым, как раскрепощение Псковского крестьянства. Это раскрепощение явилось отражением общего процесса раскрепощения в Московском государстве.

Прежде всего, Б. Д. Греков всячески стремится опровергнуть взгляды высказывавшиеся в литературе о существовании в Пскове крестьян, находившихся в зависимости от города. По его мнению, все смерды — это смерды псковских феодалов. „Эти крепостные смерды восстают против своих господ, но не имея для этого сил, отправляют своих вождей в Москву, в интересах которой было поддержание классовой розни в полузависимой от нее провинции на известном уровне, гарантировавшем господство Москвы и ослаблявшем силы вражеских ей классов“.¹

По мнению Б. Д. Грекова, раскрепощение псковских смердов произошло при той же обстановке, что и в Германии. Улучшение положения Московского крепостного крестьянства имело „обратное влияние на условиях жизни соседних подвластных помещику крестьян“, т. е. Псковских смердов. „Смерды были приравнены к изорникам, а псковские изорники суть социальные близнецы московских половников, серебрянников, рядовых, юрьевских“.²

Мы в другом месте постараемся разобраться в какой степени прав Б. Д. Греков при разрешении вопроса о псковских смердах и более подробно коснемся о событиях 1483—86 гг.

Сейчас мы главным образом выясним, в какой степени и мере был прав Б. Д. Греков, отождествляя псковские события с процессом раскрепощения, отмеченным Марксом и Энгельсом в Германии. Не трудно видеть, что Б. Д. Греков к формулировке своих взглядов на существование псковских событий мог притти только вопреки прямым показаниям источников.

Прежде всего утверждение Б. Д. Грекова о том, что смердов, находящихся в зависимости от города-государства, в Пскове не было, не находится в соответствии с содержанием смердье́й грамоты, которая была найдена попом и была вырвана смердом. Летопись прямо говорит, что в этой грамоте указывалось: „како смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову“.

В своей работе мы достаточно обосновали существование двух групп смердов — смердов находившихся в зависимости от Пскова

¹ Земледелец и землевладелец в Пскове XV в., стр. 71.

² Указ. соч., стр. 70.

и несущих повинности, как Пскову, так и князю, так и смердов, находившихся в зависимости от землевладельцев, т-е., тех волостных обидных людей, которые также пострадали во время событий 1483—86 гг. Новгородские памятники отчетливо различают эти два разряда смердов. Смерды, которые должны тянуть к погосту—это смерды-общинники, псковские крестьяне. Смерды, которые „валят на осподу“ и которым по новгородской договорной практике, короли и великие князья не должны давать веры—это смерды помещицы. Нами было указано, что именно замена старой смердье грамоты новой, где многие повинности смердов ликвидированы, а другие смягчены и явилась основным поводом для начала движения. Именно, поэтому черные молодые люди, которые теперь должны были эти повинности вместо смердов выполнять, и явились застрельщиками движения и упорными защитниками старых отношений. Этим объясняется тот факт, что псковская феодальная знать, которая при концепции Б. Д. Грекова и должна была в первую очередь пострадать, совершенно оставалась спокойной и даже явно стояла на стороне Московской политики.

Наряду с младшими людьми пострадали мелкие волостные землевладельцы, которые сумели превратить Псковских смердов в рабочую силу своих вотчин. Только при указанном понимании сущности событий 1483—86 гг. могут быть поняты факты, о которых говорит летопись. В частности, только при таком понимании может быть объяснено, почему такое значение придавалось смердье грамоте. Именно, в этой грамоте подробно перечислялись размеры даней и повинностей, падавших на смердов того или иного погоста, срок их выполнения и т. д. Без этой грамоты нельзя было восстановить их, и наоборот при концепции Б. Д. Грекова, все будет непонятно, все время надо ссылаться на неясность источников. Так, непонятно, почему нужно вообще заменять старую грамоту новой, если повинности, которые несли феодалам смерды, были прекрасно известны и смерду и феодалу; зачем надо было вырывать смерду грамоту у попа... Далее непонятно почему, именно, черные младшие люди являются застрельщиками старых наиболее жестких форм смердье эксплуатации, почему они являлись защитниками крепостнических отношений более, чем сами крепостники. Исключительно наивно звучит объяснение Б. Д. Грекова этому странному факту: младшие люди выступают против крепостников за сохранение крепостничества только потому, что они вообще настроены враждебно против них „Черные младшие люди, как видно из текста летописи, настроенные против господствующих классов враждебно“ действуют „наперекор боярам и житейным людям“ и готовые „воспользоваться любым моментом, чтобы выступить против них, выступают весьма активно, прикрываясь вечевым решением против изменников бояр, без ведома веча принявших важное решение о смердах“.¹ Следовательно, по сути дела Б. Д. Греков приписывает черным младшим людям бессмысленное политическое озорство в течение трех лет.

¹ Указ. соч., стр. 70—71.

Таким образом, попытка Б. Д. Грекова отождествить Псковские события 1483—86 гг. с процессом раскрепощения крестьянства в Германии должна быть признана неудачной. Источники нигде не говорят, что Московское правительство ликвидировало в Пскове крепостнические отношения. Псковская феодальная знать была совершенно не задета мероприятиями, имевшими целью переложить часть повинностей на черных молодых людей Пскова. Более того, союз феодальной верхушки с Московским правительством в результате событий окреп еще более. Теперь боярству и житейным людям приходится связать полностью свою судьбу, свою классовую политику с Москвой. Единственно, кто пострадал из Псковских землевладельцев, так это мелкие землевладельцы, которые пытались закрепостить зависимых от Пскова смердов. Снижение даней и повинностей помогло данной группе смердов выпутаться из кабалы. С другой стороны, в Пскове мы не наблюдаем и той обстановки, при которой произошло раскрепощение крестьянства в Германии. Памятники нигде не говорят, что мероприятия Московского правительства были вызваны стремлением усилить колонизацию и тем самым усилить развитие производительных сил; не может быть объяснено обратным влиянием процесса раскрепощения. По Энгельсу этот процесс раскрепощения мог отразиться только на крестьянстве, живущем в одном поместье с крестьянами колонистами. Но мы, не зная ничего о колонизационном процессе, не можем знать и об этом отражении процесса раскрепощения. Словом, ловкий маневр Московского правительства, имевший своей целью усилить антагонизм отдельных классов Псковского общества, нег никаких оснований сближать с причинами раскрепощения отмеченными Марксом и Энгельсом для Германских стран. Московское правительство стремилось прибрать к своим рукам Псковских смердов, превратить их в черно-тяговое крестьянство, а отнюдь не раскрепостить их, ни облегчить в конечном счете их положение.

Итак, даже поверхностный пересмотр данных, относящихся к истории русского крепостничества в XIV—XVI вв. показывает нам, что не только теория вторичного закрепощения в целом является совершенно необоснованной, но и необоснованными являются взгляды акад. Б. Д. Грекова и на многие частные вопросы данной проблемы. Акад. Б. Д. Грекову не удалось поколебать установленный на документальных данных взгляд, что вторая половина XV в.—один из серьезных этапов в истории русского закрепощения, что в начале XVI в. происходит процесс фактического закрепощения крестьян, что указы о заповедных и урочных летах—это юридическое оформление уже сложившихся отношений.
